

Вергилий

Георгики

Первая и четвёртая книги
в переводе Елены Иванюк

Вергилий

**Георгики. Первая и четвёртая
книги в переводе Елены Иванюк**

«Издательские решения»

Вергилий

Георгики. Первая и четвёртая книги в переводе Елены Иванюк /
Вергилий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856937-1

Перевод первой и четвёртой книг «Георгик» Публия Вергилия Марона
о сельском хозяйстве, пчеловодстве, богах, героях и любовной трагедии.

ISBN 978-5-44-856937-1

© Вергилий
© Издательские решения

Содержание

От переводчика	6
1. В. Набоков: «феномен языка». Задача переводчика	7
2. Заковыки перевода	8
3. Как с этим быть?	9
Георгики	10
Песнь первая (ст. 1—514)	10
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Георгики Первая и четвёртая книги в переводе Елены Иванюк

Вергилий

Переводчик Елена Иванюк

© Вергилий, 2017

© Елена Иванюк, перевод, 2017

ISBN 978-5-4485-6937-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От переводчика

Перевод 1-й книги «Георгик» Вергилия был изданс опозданием. Перевод 4-й книги «Георгик» вышел ещё в 2009 г. в журнале «Новый Гермес – 3» в разделе *Ars Interpretandi*. 4-ю книгу предваряло предисловие. Тогда перевод назван был экспериментом: он рифмованный, с чередованием перекрёстной, парной и кольцевой рифмовки стихотворных метров. Оба перевода сделаны в 2004 г.: сначала 1-я книга, потом – 4-я. Теперь доказывать состоятельность эксперимента как-то уже и незачем. Но можно поделиться странностями интерпретаторского дела, а именно перевода поэзии с мёртвого языка. Обе книги «Георгик» – и 1-я, и 4-я – относятся в-общем-ток определённой тенденции в художественном переводе. Тактика здесь не нова. Но экспериментом она названа потому, что ею гнушаются классические языки. Хотя ей дали характеристику корифеи перевода: Николай Заболоцкий [1], Корней Чуковский и Владимир Набоков, их наблюдениям классическая филология до их пор относится как к привидениям.

1. В. Набоков: «феномен языка». Задача переводчика

Кажется, исчерпывающее определение переводимого вообще дал Владимир Набоков в статье «Николай Гоголь» (Часть 5): не только Гоголя, но и «всякую литературу» он называл «феноменом языка». «Мои переводы отдельных мест [т. е. из Гоголя] – это лучшее, на что способен мой бедный словарь; но если бы они были так же совершенны, какими их слышит мое внутреннее ухо, я, не имея возможности передать их интонацию, все равно не мог бы заменить Гоголя. Стараясь передать мое отношение к его искусству, я не предъявил ни одного ощутимого доказательства его ни на что не похожей природы» [2]. Видимо, «внутреннее ухо» Набокова – переводившего ещё и себя – улавливало мельчайшие формообразующие языка Гоголя (вплоть до места для частицы «даже»). Но как представлял он переводческую работу? «Передать интонацию» Гоголя и своё «отношение к его искусству» – короче говоря, попытаться Гоголя «заменить», отдавая себе отчёт том, что это невозможно. Точнее о переводческой работе и не скажешь. В «Высоком искусстве». К. Чуковский описывает то техническое и предметное, во что формализуется мастерство. Определяя рабочую область для переводчика, как Белый – для литературоведа, он ставит знак равенства между явлениями вроде бы разной природы, её составляющими: образ мира, присутствующий в литературном произведении, и есть произведший его инструментальный «в действии», да взять вот хотя бы фонетику. Примером служит Вергилий (в разделе о необходимости для его переводчика иметь музыкальный слух). «Никто, – пишет Валерий Брюсов, – никто среди поэтов всех стран и времен не умел совершеннее Вергилия живописать звуками. Для каждой картины, для каждого образа, для каждого понятия Вергилий находит слова, которые своими звуками их передают, их разъясняют, их выдвигают перед читателем. Звукопись Вергилия обращает стихи то в живопись, то в скульптуру, то в музыку. Мы видим, мы слышим то, о чем говорит поэт...». Огрублённо говоря, мало описать какой-нибудь бьющий источник. Его должна вызывать в памяти фонетика стиха. С такими материалами и с такой же целью, но в языке иначе устроенном работает переводчик поэзии. Заболоцкий предъявляет к нему требования вообще быть поэтом [3]. Речь явно идёт о каком-то заковыристом круге ада.

2. Заковыки перевода

Параллельный прозаический если не подстрочник, то дотошный пословный пересказ прочно обосновался в европейских изданиях древней, да и вообще «старинной» иностранной литературы. И здесь есть одно тяжело вписывающееся в картину мира русского филолога, не привыкшего к сверхузким специализациям на кафедрах европейских университетов, отличие: по словам некоторых англоязычных издателей (Гэвина Бэттса, Статиса Готлетта и Танасиса Спильяса [4]), прозаический подстрочник адресован не читателям-интеллектуалам, а скорее профессионалам без знания языка. Наверное, к нему прибег бы исследователь ренессансной музыки, в том числе на Крите, но не понимающий текст VI в. на «критском диалекте». Но издатели, оказывается, обращаются к негрекоязычному [5] элинисту. Вопрос, знаком ли он не то что с «критским диалектом», а вообще с греческим языком, не ставится: пересказ на английском для образованных [6], в котором на этом английском переданы, по мере возможности, некоторые обороты подлинника, способен этот подлинник заменить. Объясняется это как международным значением английского языка – нечто стоящее по умолчанию написано на английском или на него переведено, – так и особенностями интереса, который филология испытывает к художественному произведению: понять его содержание, извлечь заимствования и установить исторические и лексические параллели с чем-то ещё с хорошим научным аппаратом возможно и без знания греческого или латинского – то есть без вникание в работу поэта, составить представление о которой позволяет подлинник. Итог переводческого труда – попыток как раз мастерство поэта передать средствами другого языка – вряд ли предоставит учёному литературоведческий и исторический материал. Для филологической науки художественный перевод бесполезен. Переводчик старинной художественной литературы в европейской научной среде очень быстро начинает осознавать, что его труд ценен не дороже поточных заказов на рекламные буклеты. Похоже, только Владимир Набоков, разделявший развиваемый хорошими русскими переводчиками подход к подлиннику, добился в Европе уважения.

3. Как с этим быть?

В классической филологии эта ситуация болезненно осложняется тем, что древний текст – априори источник в большей или меньшей степени достоверной информации об отдалённой эпохе. Логично, что к переводу и переводчику предъявляются требования эту информацию передать. Из-за чего, видимо, филологи-классики сознательно препятствовали проникновению тактик, условно говоря, Чуковского и Заболоцкого в переводы античного корпуса. Создаётся впечатление, что античные латинские, греческие и примыкающие к ним средневековые тексты в массе своей хоть какое-то продвижение переводческого дела вообще не затронуло. Дополнительным изолирующим щитом послужили им мёртвые языки. Как разрешить эту путаницу? Ответ подсказывает европейский подход: различать вспомогательный прозаический подстрочник/пересказ и художественный перевод, не исполняющий никакой служебной функции. Если первый наравне с комментарием, к нему прилагаемым, служит подспорьем в исследовании подлинника, то задача второго – быть атмосферным художественным произведением. К этому последнему типу и относится перевод 1-й книги и 4-й книг «Георгик»: единственным источником информации о подлиннике и переводе сам перевод и является, потому что это попытка хоть в какой-то степени передать мастерство Вергилия. Сравнить русский текст с латинским целесообразно, только чтобы дать оценку истолкованию переводчиком метафор и образов Вергилия. Но делался перевод для того, чтобы получать от него удовольствие.

***

1. Например, Н. Заболоцкий, «Заметки Переводчика» (с. 706) и «От переводчика» (с. 843) в книге:

Огонь, мерцающий в сосуде... М., 1995. С. 706.

2. Перевод Е. Голышевой при участии В. Голышева впервые опубликован в журнале «Новый мир», 1987, №4.; глава «Апофеоз личины», раздел 6.

3. «От переводчика», с. 844.

4. Gavin Betts, Stathis Gauntlett and Thanasis Spiliadis. Ποιητική και μεταφραστικότητα: Αναφορά μίας νέας απόδοσης του Ερωτόκριτου στη αγγλική, 461—469, Ζητήματα ποιητικής στον Ερωτόκριτο, Βικαιλία Δημοτική Βιβλιοθήκη. Ηρακλείο, 2006; Vitsenzos Kornaros. Erotokritos. A translation with introduction and notes by Gavin Betts, Stathis Gauntlett and Thanasis Spiliadis. Byzantina Australiensia 14, Australian Association for Byzantine Studies, Melbourne 2004.

5. Ibid. 463.

6. Который не избежал произвольного деления на верлибр для поэтичности, произведённый, например, Розмари Бенкрофт-Маркус.

Георгики

Песнь первая (ст. 1—514)

ВСТУПЛЕНИЕ

Как, отчего наливаются туго
Зерна? С какою звездой, Мecenат,
К вязам должны мы цеплять виноград
Или же землю пропахивать плугом?
Сколько каких происходит забот,
Если содержишь быков? И не только:
Как за стадами глядит скотовод?
Сколько трудов с бережливой пчелкой? —
Здесь расскажу. Добрый Вакх и Церера!
Кругом ведя сквозь небесные сферы
Год ускользающий, вы неизменно
Светочи жизни в огромной вселенной.
Вы одарили – земля стала новой:
Колос – не желудь эфирский дубовый;
В чаше впервые простой Ахелой
Слился с неведомым чудом – лозой.
Фавны, а вы, диковатые боги?
С Фавнами вместе идите, Дриады,
Ваши прославлю природные клады;
Также Нептуна с трезубой острой:
Землю могучий Нептун всколебал —
Выскочил конь и впервые заржал.
С ним – Аристея. О, сын Аполлона,
Любишь ты лесом заросшие склоны,
Триста коров твоих снега белее
Чавкают сочной травой на Кее.
Пан, что родные Ликейские кручи
Бросил, ведь Мёнал тебе не наскучил?
Милый Тегеец, охранник овец,
Также тебя призывает певец.
Где ты, с оливкой Минерва? Младой,
Нас познакомивший с плужной дугой,
Бог Триптолем? И Сильван, пояись:
Носишь ты – с корнем – младой кипарис.
Также и вы, божества, что посадки
С пашней содержат в исправном порядке,
Плод, что «не сеешь, а вырос», лелеют,
Влаги небесных дождей не жалеют...
Цезарь, и ты. Но пока не понять,
Богом каким пожелаешь ты стать:

Может, над городом будешь блюститель,
Или обширного мира властитель?
Иль Олимпийцев собрание великое
Бога, венчанного миртом наследным,
Примет плодов и погоды владыкою?
Фуле далекой хозяин победный,
Богом бескрайних ты явишься вод?
Только тебя будет чтить мореход,
Станешь для Фетии зятем желанным,
Все ее воды получишь приданым?
Станешь ли новой звездой, с небосклона
Месяцам путь освещая неспешный,
В месте, где Деву преследуют Клешны?
Знаю: собрание звезд Скорпиона,
Яркие лапы сложив добровольно,
Неба тебе предоставит довольно.
Будь же кем хочешь. (На троне вовеки
В Тартаре всё же тебе не сидеть:
Нет в тебе бешеной страсти владеть,
Хоть и дивились Элизию греки,
И Прозерпина подземная, внемля
Матери, редко выходит на землю.).
Дай нам, о Цезарь, легчайшего шага,
Мы новички: похвали за отвагу.
Мне и стихам, в земледелии робким,
Путь этот внове. Поэтому сжался,
С нами пройди по нехоженной тропке,
Частым молитвам и впредь отзывайся.
Ранней весной, с поседевших хребтов
Лишь заструится ручей ледяной,
Если Зефиром согретый, готов
Тотчас рассыпаться ком земляной,
Бык у меня, замычав от натуги,
Тянет глубоко увязшие плуги,
Лемех до блеска натрет борозда.
Только такие, я думаю, нивы
Слышат молитвы крестьян бережливых.
Дважды морозь их и парь: и тогда
Столько колосьев... обрушишь овины!
Плуг мой впервые на поле целинном?
Что ж, постараюсь – к чему неизвестность? —
Выучить ветер, причуды погоды,
Как тут исконно пахали и местность:
Те ли, иные ей нравятся всходы.
Место – и хлебу, и лозам усатым,
Где-то – плодóвым. А в почве другой
Травы зеленые сами собой
Лезут. И видишь, наверное, сам ты:
Бивень – Индийский, а крокус – из Тмола;

Неженек Савских – душистые смолы,
Жидкость бобровая – с Понта, металл —
Голый Халиб – не иной, – нам прислал.
Ветвь олимпийская всадника конного —
Конь из Эпира... С начала времен
Местности всякой – особый закон,
Хоть б в житьё ещё Девкалионово:
Камни он бросил – и в мире безлюдном
Вырос крепыш, человеческий род.
Так! Коль жирна твоя почва, нетрудно:
В месяцах первых, как начался год,
Пусть ее вспашут быки-силачи,
Пусть провернут черноземные глыбы.
Так их прожарить на славу могли бы
Спелые пыльного лета лучи.
Но при Арктуре на почве худой
Ты осторожной пройди бороздой:
Так – и колосьям богато родиться
Вредный сорняк помешать бы не мог;
Так – и воды не иссахнет крупица,
Та, что живит худосочный песок.
Да. И к тому же еще позволяй,
Чтобы под паром окрепли поля:
Пусть через год отдыхают спокойно
И не рожают налитые зерна.
Впрочем, в сезон подходящий неплохо
Рыжие зерна засеивать в поле,
Там, где стручки шелестели фасоли,
Волчьих бобов или вики-гороха:
Чащей шуршащей они поднялись,
Стебель ломается – только коснись.
Чахнет же грунт под овсом или льном,
Маком, как Лета, наполненным сном.
Всё же и там за работу берись:
Год через год на сушеные почвы
Жирный навоз – чтоб, родившим, помочь им, —
С пеплом чумазым носить не ленись.
Так, отдохнув, чередуя плоды,
Грунт, и не вспахан, воздаст за труды.
Часто, к тому же, поджоги спасают
Почву, с плодами вовек не знакомую,
С треском солому пожрав невесомую.
Силы ли тайные землю питают?
Может, бесплодность сгорает в углях?
Пóтом выходят ненужные воды?
Иль, отдышавшись под жаром, земля
К семечкам юным открыла проходы?
(Это известно, что влагу по ним
Почва приносит росткам молодым.)

Может быть, грунт, подвергаясь закалу,
Трещин глубоких сжимает немало,
Семечко скрыв от настырных дождей,
Летнего солнца, – тогда оно злее —
Или дрожащих морозов Борей,
Что пробирают зимой до костей?
Также для поля стараемся мы,
Если идем с бороною ивовой,
Если терзаем мотыгой тяжелой,
Почвы упрямой большие комы —
высей Олимпа работу отличную
Видит Церера с косою пшеничною.
Также для вспаханной почвы полезно
Вспять пропахать ее плугом железным
Только рыхленьем не очень глубоким —
Плуг положить полагается боком.
Делаешь так – и в работе земля;
Ты – словно царь, а владенья – поля.
«Зим без дождя и дождливого лета!»
Вы, земледельцы, молитесь об этом:
Если зима не промочит дождем
Пыль – для посевов и поля удача.
Хвастать ли Мизии жатвой богаче?
Зависти даже от Гáргары ждем.
Что же сказать о владельце таком:
Только лишь семечко просил он в почву —
Следом идет, разрушая песочный
Плотный – куда уж несчастнее! – ком,
После на пашню сведет ручейки
И специально для них – желобки?
Он, если травы на поле сторают,
Мучает ниву полуденный чад,
Мигом с обрыва скалы добывает
Воду. И вот заворчал водопад:
Камешки легкие лупит, бурля —
Чувствует влагу сухая земля.
Что о другом земледельце скажу я?
Злак головастый не рухнул бы на бок! —
Скормит коровам траву молодую,
Только лишь вылезла строем из грядок.
Что тут добавить? Находчивый кто-то,
Выпьет песком – коль собралось – болото.
Верно! Как время придет, половодья
Илом с избытком покроют уголья:
Станут все впадины – вроде болот;
Теплый услышишь удушливый пот.
Да, хоть над пашнею трудимся так
Мы и быки, но на пользу навряд ли
Нашим посевам со Стримона цапли

Или нахальный обжора гусак.
Также с посевами нашими в ссоре
Тени и с корнем горчайшим цикорий.
Так, потому что Родитель всего
Дал земледельцам нелегкую долю.
Те изощрили умы поневоле,
Чтобы трудились владенья его
После безделья старинных веков:
Грунт не рыхлили до Бога богов.
Станным казалось значком ли, межой
Ниву свою отделять от чужой,
Все было общее. Всё беззаботно
Брали у почвы, дающей охотно.
Так. Но Юпитера воля сама
Страшной змее предоставила жало,
Волку – охоту, а морю – шторма.
В листьях медового вкуса не стало.
Спряталось пламя. И, верно, навеки
Скрылись текучие винные реки.
Так – и по опыту стал размышлять
Смертный, смекалку явив и старанье,
В сеяных злаках искать пропитанья,
Скрытый огонь из камней выбивать.
Из полых ольхи или лодку, иль плот
Впервые река на себе ощутила.
Составил созвездья тогда мореход,
А также назвал именами светила:
Плеяды, Гиады. И с ними – лучистой
Медведицы имя нашел для Каллисто.
И дичь научились обманывать так:
Силками – животных, а клеем – пичугу.
И лес необъятный впервые по кругу
Замкнули охотники стаей собак.
Тот – ищет сетями речные глубины,
Тот – вымокший невод влачит из пучины.
Пришло и железо, и пилы-пластины
(А раньше полена кололи по клину),
И разные выдумки – в скудном уделе
Труды и настойчивость все одолели.
А поле сама обучила, исконно,
Церера пахать: ведь священные рощи
В то время на ягоды сделались тощи,
И желудь уже не давала Додона.
Но... следом и беды. Спасай урожай!
Вот точит колосья заразная ржа,
А то вылезает бесплодная чаща,
Ограду колючек высоких тараша,
А то поднимается лесом стеблей
Не брошенный злак, а косматый репей

С терновником... С поля злодейский сорняк
И дикий овес не изгонишь никак!
Да, так. И мотыгой ростков не окучишь,
И шумом не стонишь пернатых гостей,
Не срежешь, с мольбой ожидая дождей,
Тенистых растений – над колосом тучу —
Несчастный, гляди, как обилен сосед,
Лесные дубы обтрясай на обед.
О чем же теперь? А какие орудья
Имеют крестьяне, отважные люди?
Никто и не сеет без них, и не жнет:
Вот лемех. И будет особый почет —
Тяжелому весу железного плуга
(Как всё же приходится пахарю туго!).
О еле ползущей груженной махине —
О тачке скажу Элевсинской богини.
Да! Разных по весу мотыг, молотил,
И волока я бы назвать не забыл,
С ивовой плетенкою бога Келея
(Не очень приглядным лукошком обычным)!
А что мы без веялки Вакха сумеем,
Его бороны из кустов земляничных?
Ты помни: все это – орудия, словом —
Коль ждешь урожай, как собрали бы боги,
Держи до начала работы готовым:
Как только из дерева плуг острогорый,
Из сил выбиваясь, ты сделал – и сразу
Домашними сделались дикие вязы.
К нему же и шест (он от самых корней
Длинною, пожалуй, на восемь ступней),
И ушки-отвалы цепляешь сюда
И лемех, конечно: зубов два ряда.
А липы и буки – худы, высоки —
Падут для ярма, что таскают быки.
Здесь, пахарь, нужна позади рукоять —
Ведь плугом на пашне тебе управлять.
Всё это подвесь над огнем, и дымок
Пробует дерево пусть на зубок.
Я много наслышан, как раньше пахали.
Скажу (если ты не бежишь от речей
И нос не кривишь от «таких мелочей»).
Сначала по пашне проходится валик —
Большой, специальный – чтоб ровною стала.
Вручную рыхлишь её? Тоже немало.
Коль глиною цепкой помазал края,
То сделалась крепостью пашня твоя:
Тайком не пролезет зловредный росток,
И землю не тронет захватчик-песок
И многие беды, хоть крошка полёвка

И дом под землей возведет, и кладовку,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.